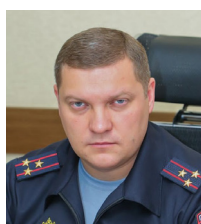

УДК 343.9.01

Противодействие вовлечению несовершеннолетних и молодежи в совершение противоправных деяний экстремистской направленности (на примере г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области)

Илья Сергеевич ИльинМеждународный юридический институт
(Санкт-Петербург, Россия)
isilyin@yandex.ru**ORCID:** 0000-0003-1362-0519

Аннотация

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема вовлечения несовершеннолетних и молодежи в противоправную деятельность экстремистской направленности в условиях цифровой трансформации общества. Отмечается, что использование информационно-коммуникационных технологий, анонимность интернета и психологические особенности подросткового возраста создают благоприятную среду для распространения экстремистской идеологии и вербовки новых сторонников. Цель работы – на основе анализа региональных данных (Санкт-Петербург и Ленинградская область) выявить современные механизмы вовлечения молодежи в деструктивную деятельность и определить эффективные направления противодействия. **Методы.** Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных (диалектический, анализ, синтез, обобщение, дедукция, индукция) и частнонаучных методов (сравнительно-правовой, статистический, наблюдение, анализ документов). Эмпирическая база включает статистические данные ГИАЦ МВД России за 2022–2025 гг., материалы уголовных дел и дел об административных правонарушениях экстремистской направленности, а также результаты мониторинга интернет-пространства (социальные сети и мессенджеры). **Результаты.** На основе анализа правоприменительной практики и статистических данных составлен условный социальный портрет лица, вовлекаемого в экстремистскую деятельность, выявлены ключевые мотивы (корысть, провокация, идеологическая ненависть) и возрастные особенности совершения преступлений. Установлено, что несовершеннолетние (14–17 лет) чаще склонны к насильственным проявлениям экстремизма, тогда как старшая возрастная группа (25–35 лет) доминирует в сфере информационного экстремизма. Определены основные каналы коммуникации и психологические приемы воздействия на молодежь (позитивация образа, дегуманизация противника), используемые радикальными сообществами в интернет, прежде всего в мессенджере «Телеграм». **Заключение.** В результате исследования обобщены и систематизированы механизмы противодействия, реализуемые правоохранительными органами Санкт-Петербурга и Ленинградской области. К ним относятся: выявление и блокировка деструктивного контента, нейтрализация лидеров и активистов радикальных групп (на примере ликвидации движения «Весна*»), а также проведение

* Молодежное демократическое движение «Весна» признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ.

Ильин И. С. / Ilyin I. S.

профилактических мероприятий с участием практических сотрудников в образовательной среде и родительской аудитории. Обоснована необходимость дальнейшего совершенствования профилактической работы с учетом выявленных тенденций и методов информационного воздействия экстремистов.

Ключевые слова

экстремизм, несовершеннолетние, молодежь, вовлечение в деструктивную деятельность, социальный портрет экстремиста, цифровизация, информационное воздействие, противодействие экстремизму, Санкт-Петербург, Ленинградская область

Для цитирования: Ильин, И. С. (2026). Противодействие вовлечению несовершеннолетних и молодежи в совершение противоправных деяний экстремистской направленности (на примере г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области). *Российский девиантологический журнал*, 6 (1), 151–165.

Original paper

Countering the involvement of minors and youth in extremist criminal activities (using the example of Saint Petersburg and the Leningrad region)

Ilya S. Ilyin

International Law Institute

(Saint Petersburg, Russia)

isilyin@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1362-0519

Abstract

The article discusses the growing concern on the issue of the involvement of minors and the youth in unlawful extremist activities in the context the digital transformation of society. It is noted that the use of information and communication technologies, the anonymity afforded by the Internet, and the psychological features of adolescence foster the environment conducive to the dissemination of extremist ideologies and the recruitment of new supporters. The objective of this study is to analyse the regional data (Saint Petersburg and the Leningrad region), in order to identify the modern mechanisms by which young people are drawn into destructive activities, and to determine effective strategies to counter them. **Methods.** The methodological basis of the study comprised a combination of general scientific methods (dialectical analysis, synthesis, generalisation, deduction, induction) and discipline-specific methods (comparative legal analysis, statistical analysis, observation, and document analysis). The empirical basis encompasses statistical data from the Federal State Institution “Main Information and Analysis Centre of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation” for 2022-2025, criminal case materials and administrative case files of an extremist nature, as well as the results of monitoring the Internet (social media and messaging apps). **Results.** A general social profile of individuals involved in extremist activities has been created on the basis of an analysis of law enforcement practice and statistical data. Key motivations (self-interest, provocation, ideological hatred) and age-related patterns in committing crimes have also been revealed. It was established that young people aged 14 to 17 years are more likely to engage in violent forms of extremism, while older age group 25 to 35 years tend to be more active in extremist information. The main channels of communication and psychological techniques influencing on young people, including formation

of a positive image and dehumanisation of the opponent, employed by radical online communities, have been identified. These techniques are mainly used on the “Telegram” messaging application. **Conclusion.** This study provides a comprehensive overview of the counter- mechanisms that have been implemented by law enforcement agencies in Saint Petersburg and the Leningrad region. These mechanisms encompass identifying and blocking of destructive content, the neutralisation of leaders and activists of radical groups (e.g. the dismantling of the “Vesna*” movement), and the implementation of preventive measures involving frontline staff in educational settings and parents. The article substantiates the necessity for further improvement of preventive measures, taking into account prevailing trends and methods of information influence employed by extremists.

Keywords

extremism, minors, youth, involvement in destructive activities, social profile of an extremist, digitalisation, information influence, countering extremism, Saint Petersburg, Leningrad region

For citation: Ilyin, I. S. (2026). Countering the involvement of minors and youth in extremist criminal activities (using the example of Saint Petersburg and the Leningrad region). *Russian Journal of Deviant Behavior*, 6 (1), 151–165.

Введение

Преступники, используя возможности интернета, могут одновременно влиять на большое количество потенциальных жертв или исполнителей их преступного умысла, в том числе экстремистской направленности (Фоминых, 2024, с. 70).

Использование виртуального пространства позволяет достигать большого числа людей или решать множество задач без необходимости индивидуального подхода к каждому лицу, в отношении которого осуществляется воздействие (Алексеев и др., 2023, с. 124).

В результате такого воздействия в последние годы в Российской Федерации в целом и в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в частности наблюдается рост количества экстремистских проявлений, совершенных лицами в возрасте от 14 до 35 лет. Среди данной возрастной категории нами рассматривались несовершеннолетние в возрасте от 14 до 17 лет и молодые люди в рамках двух возрастных групп: 18–24 года и 25–35 лет. Увеличилось количество лиц рассматриваемой возрастной категории, совершивших как уголовно наказуемые деяния, так и административные правонарушения.

По данным ГИАЦ МВД России¹, на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2022 г. к уголовной ответственности за преступления экстремистского характера привлечены 30 лиц в возрасте от 14 до 35 лет; в 2023 г. – 11; в 2024 г. – 55; за первое полугодие 2025 г. – 9. В последние три года наблюдается рост удельного веса несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности за преступления экстремистского характера, который по итогам 2022 г. составил 30,0 %; 2023 г. – 27,3 %; 2024 г. – 47,3 %; первого полугодия 2025 г. – 44,4 %.

К административной ответственности за правонарушения экстремистского характера, предусмотренные ч. 3 ст. 20.1, ст. ст. 20.2, 20.3, 20.3.3, 20.29, 20.33 КоАП РФ, на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области привлечены в 2022 г. 1 345 лиц в возрасте 14–35 лет; в 2023 г. – 65; в 2024 г. – 58; в первом полугодии 2025 г. – 44. Наибольшее количество лиц, совершивших административные правонарушения данного вида, приходится на возрастную категорию 25–35 лет, удельный вес которых в общем количестве приведенных показателей составил по итогам 2022 г. 52,0 %; 2023 г. – 52,3 %; 2024 г. – 41,4 %; первого полугодия 2025 г. – 52,3 %.

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации. *Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за 2023, 2024, январь-июнь 2025 года*. Официальный сайт МВД России. Получено 21 декабря 2025 г., из <https://мвд.рф/reports/>

* Молодежное демократическое движение «Весна» признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ.

Методы исследования

Для достижения цели исследования, заключающейся в комплексном анализе современного состояния вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области, а также для выработки предложений по совершенствованию механизмов противодействия, в работе использована совокупность общенаучных и частнонаучных методов. Методологическая основа исследования базируется на диалектическом подходе, позволяющем рассмотреть явления экстремизма в их развитии, противоречивости и взаимосвязи с социальными процессами (цифровизацией, изменениями в молодежной среде). Диалектический метод позволил изучить проблему вовлечения несовершеннолетних в динамику, выявить противоречия между развитием информационно-коммуникационных технологий (как фактора риска) и возможностями правовой системы по защите молодежи. Метод анализа применялся для декомпозиции эмпирических данных (статистика преступлений, социальные характеристики фигурантов) на отдельные элементы: возрастные группы, мотивы, каналы вербовки. Синтез позволил объединить разрозненные данные в целостную картину, описав механизм функционирования деструктивных групп и сформулировав единый «социальный портрет экстремиста» применительно к региону исследования. Индукция использовалась при переходе от анализа частных случаев (конкретных преступлений, акций, личных историй фигурантов) к общим выводам о методах вербовки и мотивации. Дедукция применялась при проверке общероссийских тенденций (например, данных научной литературы о психологии подростков) на эмпирическом материале Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления квалификации преступлений и административных правонарушений экстремистской направленности (ст. 282 УК РФ, ст. 20.3 КоАП РФ и др.), а также для анализа различий в правоприменительной практике в отношении разных возрастных категорий (несовершеннолетние 14–17 лет, молодежь 18–24 лет и 25–35 лет). Данный метод позволил выявить различия в подходах к квалификации насильственного и информационного экстремизма. Метод наблюдения применялся для мониторинга активности радикальных сообществ в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», в частности в мессенджере «Телеграм», социальных сетях («ВКонтакте») и на видеохостингах. В ходе наблюдения фиксировались методы подачи контента, способы позитивации образа экстремиста и каналы распространения идеологии среди молодежи. Обработка данных ГИАЦ МВД России за 2022–2025 гг. позволила количественно оценить динамику преступлений и правонарушений. Статистический анализ применялся для определения удельного веса различных возрастных групп в структуре экстремистской преступности, а также для выявления корреляции между возрастом и видом совершаемого деяния (насильственный vs информационный экстремизм). В ходе исследования изучены материалы уголовных дел и дел об административных правонарушениях, возбужденных на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Это позволило собрать первичную информацию для составления «социального портрета экстремиста», включая такие параметры, как род занятий, национальность (при наличии данных), гражданство, а также для выявления истинных мотивов (корысть, провокация, идеологическая ненависть) совершения противоправных деяний. Автор обращался также к методу экспертных оценок: учитывались мнения практических сотрудников подразделений по противодействию экстремизму, задействованных в профилактических мероприятиях, что позволило оценить эффективность существующих практик воспитательно-образовательной работы с молодежью и их родителями.

Эмпирическая база исследования охватывает период с 2022 г. по первое полугодие 2025 г. включительно. Основным ограничением исследования является условность составленного социального портрета, обусловленная спецификой официальной статистики (например,

самодекларирование национальности, наличие неофициального трудоустройства), что не позволяет в полной мере верифицировать все социально-демографические параметры. Тем не менее комплексное применение указанных методов позволило обеспечить достоверность полученных результатов и репрезентативность выводов относительно механизмов вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность в условиях цифровизации.

Результаты исследования

Целью исследования является анализ современного состояния и механизмов вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность в конкретном регионе для определения направлений противодействия. В работе решаются следующие задачи:

- анализ статистических данных о преступлениях и правонарушениях экстремистской направленности среди молодежи в Санкт-Петербурге и Ленинградской области;
- выявление социально-демографических и психологических характеристик вовлекаемых лиц и их мотивации;
- описание используемых экстремистами методов информационного воздействия и каналов коммуникации (соцсети, мессенджеры);
- обзор текущих практик правоохранительных органов по противодействию (репрессивные и профилактические меры).

Для понимания механизма вовлечения несовершеннолетних и молодежи в противоправные деяния экстремистского характера, а также определения возможностей противодействия данному процессу на основе совокупности имеющейся информации необходимо составить «социальный портрет экстремиста». Ранее уже предпринимались попытки установления социально-демографических характеристик несовершеннолетней жертвы вовлечения в экстремистскую деятельность (Пушкова, 2025, с. 21–26), однако конечный результат оказался весьма условным, поскольку основывался в основном на официальной статистке, не всегда точно отражающей реальное положение вещей (например, многие граждане работают неофициально, национальная принадлежность гражданином также указывается самостоятельно и т. п.)

Составленный нами «социальный портрет экстремиста» не претендует на строгий характер, однако в какой-то мере поможет обозначить основные черты лица, вовлекаемого в противоправную деятельность.

В числе лиц, привлеченных в Санкт-Петербурге и Ленинградской области к уголовной ответственности за преступления экстремистского характера, 43 фигуранта официально зарегистрированы как не имеющие постоянного источника дохода (иждивенцы или безработные), причем в этом списке представлены не только лица младшей группы (14–17 лет), но и остальных подгрупп (в том числе 8 лиц в возрасте от 30 лет и старше); 35 фигурантов являлись учащимися учебных заведений различного уровня (от средних общеобразовательных школ до вузов, включая частные образовательные организации); 20 фигурантов были наемными рабочими, 5 служащими, 1 индивидуальный предприниматель, 1 представитель творческих профессий.

Более уверенно можно отследить взаимосвязь между возрастными группами и видами преступлений. В частности, несовершеннолетние и молодые люди (условно 14–17, 18–25 лет) совершают основную массу актов насильственного экстремизма (хулиганские нападения на граждан, нанесение телесных повреждений по мотивам различных типов розни, ненависти и вражды); на долю же их старших (25–35 лет) «коллег» приходится значительная масса актов экстремизма информационного (разжигание розни, ненависти, вражды, призывы к экстремизму, дискредитация Вооруженных Сил РФ, реабилитация нацизма и т. п.).

Мотивами совершения преступлений экстремистской направленности, как и раньше, остаются политическая, идеологическая, расовая, национальная, религиозная ненависть или вражда, в том числе в отношении какой-либо социальной группы².

Преступники используют особенности подростковой психологии, например доверчивость. Отсутствие личного контакта между преступником и жертвой или исполнителем снижает психологический барьер и ощущение ответственности за содеянное (Лопатина, 2024, с. 54).

За последние 10–15 лет произошло изменение мотивирующих факторов, способствующих совершению экстремистских проявлений. Ранее исследователи данного вида противоправных деяний отмечали поиск популярности (Зубова, 2015) в качестве мотивирующего фактора, дополняющего основной мотив, способствующий распространению экстремистских материалов среди молодежи, особенно учащихся среднеспециальных учебных заведений. В настоящее время самыми распространенными мотивирующими факторами являются корысть, а также совершение данного вида преступлений в качестве провокации.

Корысть при совершении экстремистского преступления выражается в ожидании получения вследствие совершения экстремистского акта обещанного денежного вознаграждения. Корысть выступает дополнительным стимулом, который, несомненно, усиливает мотивацию преступника, а также может повысить тяжесть преступления и повлиять в конечном итоге на квалификацию содеянного и ужесточение наказания.

Совершение экстремистского преступления в качестве провокации часто обусловлено особенностями возрастной психологии и окружающей социальной средой (Kasinathan & Parsons, 2025, с. 59). Несовершеннолетние и лица молодого возраста нередко не осознают истинной опасности и юридических последствий своих действий (Диваева, 2024, с. 429). Они могут воспринимать некоторые поступки как забавные розыгрыши, недооценивая риски уголовной ответственности и возможные негативные последствия для себя и окружающих. Некоторые подростки стремятся таким образом обратить на себя внимание сверстников или взрослых (Barracosa & Cherney, 2025, с. 9). Им кажется, что провокационные высказывания или действия вызовут восхищение или одобрение друзей, повысят их статус в коллективе.

Например, в 2022 г. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области было возбуждено 10 уголовных дел по фактам реабилитации нацизма лицами, размещавшими фотографии нацистских преступников на странице акции «Бессмертный полк» (в связи с санитарными ограничениями проводившейся в онлайн-формате). Данное преступление в силу возраста (7 из 10 фигурантов по данным делам не достигли на момент совершения 25 лет) и несерьезного отношения части молодежи к указанной памятной акции, вероятнее всего, воспринималось фигурантами, как шутка.

В то же время такие действия означают неуважительное отношение к подвигу нашего народа в период Великой Отечественной войны (Хоменко & Черемнова, 2019, с. 47). В результате совершения посягательств экстремистской направленности создается угроза внутренней целостности и социальному согласию в России, а также формируется негативный образ нашей страны в мировом сообществе, что вызывает ослабление внутренних и внешних позиций Российской Федерации (Борисов & Жеребченко, 2015, с. 32, 36).

Имеются и обратные примеры, связанные с изобличением в насильственных акциях лиц старше 25 лет: в 2024 г. за нанесение телесных повреждений по мотивам социальной розни был задержан гражданин 1985 года рождения, а двое ранее судимых граждан 1993 года рождения в том же 2004 г. задержаны и впоследствии осуждены за совершение группового хулиганского

² Верховный Суд Российской Федерации. Пленум. (2011, 28 июня). *Постановление № 11 «О судебной практике по уголовным делам и преступлениям экстремистской направленности»* (с изм. от 3 ноября 2016 г. № 41, 20 сентября 2018 г. № 32 и от 28 октября 2021 г. № 32). <https://www.vsrp.ru/documents/own/8255/>

нападения на выходца из Северного Кавказа, совершенного по мотивам национальной вражды. Однако, как правило, данные случаи носят единичный, бессистемный характер, иногда совершаются в состоянии опьянения и не связаны с деятельностью радикальных молодежных групп.

Фиксируются со стороны лиц младшей возрастной группы и случаи информационного экстремизма. Например, в 2024–2025 гг. сотрудниками ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области задержаны трое молодых людей (что характерно, все из числа этнической молодежи), изобличенных в размещении в интернете материалов, направленных на разжигание межнациональной розни и вражды.

Кроме того, молодежь часто отличается и такой формой информационного экстремизма, как демонстративные акции (особенно если речь идет о так называемых перформансах), обычно носящие политический характер. Например, в 2022 г. житель Санкт-Петербурга 1999 года рождения задержан за проведенную 25 февраля 2022 г. акцию в виде сожжения чучела в форме военнослужащего Вооруженных Сил РФ, видеозапись которой впоследствии была распространена в интернете. Действия фигуранта квалифицированы по ч. 2 ст. 213 УК РФ как хулиганство, совершенное по мотивам политической и идеологической вражды. В 2023 г. за акцию в виде нанесения надписей «Нет войне», «Хватит убивать», «Сколько можно убивать» на здание военного комиссариата, квалифицированную по ч. 2 ст. 280³ и ч. 2 ст. 213 УК РФ, задержан аспирант одного из вузов Санкт-Петербурга 1997 года рождения, действия которого также были обусловлены протестом против проведения специальной военной операции.

В совершение уголовно наказуемых деяний и административных правонарушений экстремистского характера вовлекаются также иностранные граждане, а также натурализованные граждане Российской Федерации, которые на момент преступления имели ранее приобретенное гражданство. Установлена причастность к совершению преступлений и правонарушений экстремистского характера граждан республик Азербайджан, Таджикистан и Молдова.

Из 88 фигурантов, указавших свою национальность, преобладают русские (78 человек), в числе остальных представлены азербайджанцы (четыре человека, включая трех граждан Республики Азербайджан и одного натурализованного гражданина РФ) один молдаван (гражданин Республики Молдова), три таджика (двое граждан Республики Таджикистан и один натурализованный гражданин РФ), один дагестанец. Однако стоит отметить, что практика свободного определения национальности делает эту выборку нерепрезентативной (например, в числе «русских» оказались и несколько рожденных на территории России членов этнической хулиганской группировки, позиционировавших себя азербайджанцами и обвинявшихся в числе прочего в разжигании ненависти и вражды в отношении русских).

Обсуждение

Практика показывает, что национальная и религиозная принадлежность даже в большей степени, чем гражданство, может выступать объединительным фактором при формировании молодежных групп (например, в упомянутую этническую молодежную группу входили не только азербайджанцы, но и таджики, и выходцы из российских регионов Северного Кавказа). Как правило, группы, сформированные из числа местных жителей, русских по национальности, тяготеют к праворадикальным идеям так называемого русского национализма, а группы этнической молодежи (иностранцы и рожденные в России дети выходцев из других стран) – к этническому национализму, в том числе откровенно антирусскому.

Еще одной особенностью этнического молодежного экстремизма часто выступает демонстративная религиозность (упоминание Аллаха, характерные жесты и т. п.). Соответственно, объединяться в подобные группы могут выходцы из разных стран и российских регио-

нов по принадлежности к мусульманскому вероисповеданию, а идейными противниками (как правило, под идею камуфлируется хулиганское желание найти себе жертву) – граждане, не исповедующие ислам.

Можно утверждать, что демонстративная религиозность этнического молодежного экстремизма представляет собой феномен, при котором представители отдельных этнических групп используют элементы религиозной практики и веры в целях привлечения общественного внимания, формирования образа жертвы, оправдания своих экстремистских действий (Mayer et al., 2024).

Подобное поведение обусловлено, во-первых, стремлением привлечь внимание, поскольку использование религиозных символов и лозунгов помогает добиться публичного резонанса вокруг своей деятельности, создавая образ жертв преследования или борцов за справедливость; во-вторых, возможностью самоидентификации и самовыражения; в-третьих, использование религиозных символов и лозунгов позволяет манипулировать общественным мнением. Кроме того, молодежные экстремисты обычно утверждают, что их действия направлены на защиту национальных интересов, традиций и обычаев, однако на самом деле речь идет о навязывании собственных взглядов и идеологии.

В настоящее время устойчивые общественные объединения в организационном плане не оказывают существенного влияния на криминогенную обстановку в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Выявляемые молодежные группы функционируют независимо от каких-либо крупных центров управления, при этом оказывают идеологически негативное влияние на молодежь (Зырянов & Билоконь, 2024, с. 127), распространяя свои взгляды и воззвания по информационно-телекоммуникационным каналам.

Аналогичная ситуация с этническими диаспорами и землячествами. В последние годы ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области не задокументировано фактов прямых организации и (или) управления этническими молодежными группами радикального толка со стороны диаспор. Однако опосредованно, путем формирования информационной повестки и высказывания авторитетного мнения, диаспоры вполне способны влиять на ситуацию с молодежным этническим экстремизмом.

Особого внимания заслуживают спортивные клубы единоборств и иной боевой подготовки, прежде всего для этнической молодежи, проверки которых периодически проводятся силами не только полиции, но и иных ведомств. В настоящее время подтвержденных фактов распространения на их базе экстремистских идей, формирования радикальных молодежных группировок не зафиксировано. Но поскольку несовершеннолетние традиционно относятся к категории наиболее внушаемых лиц (Бавсун, 2024, с. 7), клубы боевых искусств в качестве если не источника, то одной из базовых платформ формирования радикальных молодежных группировок (особенно, этнических) рассматриваются правоохранительными органами весьма серьезно.

Практика показывает, что в ходе расследования преступлений изучению пути, который привел фигуранта к экстремистскому преступлению и правонарушению, уделяется не слишком много внимания: основная масса усилий приходится на сбор доказательств самой его причастности к противоправному деянию и документирование экстремистского мотива. Большинство актов насильственного экстремизма совершается сознательно, по идейным соображениям. Редкие исключения составляют случаи, когда различные формы бытового шовинизма (которым в разной степени поражена значительная часть населения) накладываются на бытовой конфликт, дополняя его экстремистским мотивом.

Сложнее обстоит дело с информационным экстремизмом. Наряду с деяниями, однозначно совершаемыми с прямым умыслом (например, практикуемая участниками радикальных

группировок публикация материалов собственных правонарушений, снабженных комментариями, направленными на разжигание розни и унижение достоинства людей по национальному признаку, или множественные публикации, содержащие явные признаки принадлежности публикуемого к последователям экстремистской идеологии), значительный объем правонарушений носит не столь однозначный характер. Например, имеются факты привлечения к ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ, ст. ст. 148, 282⁴ УК РФ лиц, обнаживших в публичном месте или на опубликованных фотографиях имеющиеся на теле татуировки. Правоприменительная практика по ст. 20.3.3 КоАП РФ, ст. ст. 280³, 207³ УК РФ тоже не особо разбирается в истинных убеждениях фигурантов, среди которых (особенно в массиве административных дел 2022 г.) большая часть не относится к последовательным радикалам.

Основным информационным источником и каналом коммуникации для молодых людей выступает интернет (Майоров, 2025, с. 366). Значительные объемы информации, разнообразные идеологические платформы, лидеры общественного мнения, сообщества по интересам и прочие особенности электронной сети открывают широкие возможности для поиска идейных союзников и соратников, коммуникации с ними.

Радикальные сообщества активно используют интернет не только для прямого транслирования своих идей, но и для опосредованной пропаганды, заключающейся в размещении определенного рода материалов, подтверждающих позицию указанного движения. Эти материалы могут снабжаться комментариями, а могут (для создания видимости беспристрастности) оставаться без них («выводы делайте сами»). Например, праворадикальные формирования (например, «Русская община») охотно публикуют сведения о преступлениях и правонарушениях с этнической составляющей. Политическое правоцентристское движение «Другая Россия им. Эдуарда Лимонова», известное своей критикой попустительской миграционной политики России, также использует публикации о преступлениях мигрантов для подтверждения своих взглядов (а после террористического акта в подмосковном «Крокус Сити холле» представители «Другой России» в Санкт-Петербурге даже провели и осветили в интернете публичную акцию «Лицо миграционной политики России», сопряженную с нарушениями общественного порядка и выдвиганием обвинений в адрес федеральных чиновников). Транслируют в молодежную среду свою повестку и политические формирования, в том числе радикально оппозиционного толка. Причем даже проведенная операция по дезорганизации и деструктуризации объединений либерально-оппозиционного толка, приведшая вначале к фактической их ликвидации, не помешала значительной части активистов, перебравшись за рубеж, продолжить агитационно-пропагандистскую работу в интернете. В качестве одного из доводов своей правоты политическими объединениями используются обычные российские новости, откуда специально выбираются самые неприглядные (отражающие проблемы в сфере ЖКХ, дорожного хозяйства, рост инфляции, цен и т. п.).

Прием транслирования специально отобранного тематического контента призван воздействовать на сознание созданием иллюзии самостоятельности выбора: «Я сам пришел к этому выводу на основании объективной информации». Практика показывает, что прием это вполне рабочий, например, политические акции по социально важным темам (коррупция, пенсионная реформа, специальная военная операция и т. п.) неизменно собирали большое количество молодежи, не принадлежащей ни к каким организованным объединениям, т. е. вышедшей на акцию не по команде, а под воздействием актуальной информационной повестки. В том же ключе работает практика регулярных публикаций в праворадикальных сообществах новостей о совершаемых мигрантами или выходцами с Северного Кавказа преступлениях и иных антиобщественных деяниях, подогревающих в целевой аудитории (прежде всего молодежи) националистические взгляды и настроения. Регулярное

выявление новых молодых последователей националистических идей подтверждает работоспособность рассматриваемого метода.

Еще одним психологическим приемом воздействия на сознание молодежи в целях вовлечения ее в экстремистскую деятельность выступает позитивация образа последователя пропагандируемых идей. Праворадикальные сообщества рисуют образ «истинного бойца», «защитника белой расы» и т. п., этнические группировки представляют своих членов «воинами Аллаха», «волками в стаде овец» и т. п., политические движения оперируют образами наподобие «Прекрасная Россия будущего», позиционируя своих сторонников как «борцов с режимом». Этот прием направлен на выработку у молодых последователей некоего идеала, к которому следует стремиться и ради которого предлагается претерпевать некоторые лишения (например, в виде проблем с законом), а также на чувство сопричастности к некоему «великому делу» (борьбе с оккупировавшими Русь иноземцами, борьбе с неверными, борьбе с режимом и т. п.).

Параллельно задействуется прием негативной окраски врага, что призвано дополнительно подчеркнуть нравственное превосходство и правоту своих сторонников. Аналогичным приемом пользуются, например, террористические сообщества, причем как религиозные (потенциальные жертвы теракта обозначаются «неверными», недостойными жалости), так и политические (потенциальные жертвы терактов клеймятся, например, «псами режима», «оккупантами» и т. п.). Экстремистские формирования оперируют похожими терминами в отношении жертв своей агрессии. В частности, одной из форм данного приема выступает дегуманизация противника – психологический метод, хорошо освоенный праворадикальными сообществами, черпающими опыт в нацистских учениях, суть которого заключается в максимальном обезличивании тех, против кого направлена идеология данного сообщества. Например, люди другой расы и национальности объявляются неполноценными, в терминологии используются их сравнение с животными и т. п. Данный прием направлен, во-первых, на подкрепление у последователей идеи о принадлежности к более высокому социуму, во-вторых, на преодоление психологического барьера насилия для участников акций прямого действия.

Указанные приемы, как и множество более частных методов, давно применяются на практике и являются вполне рабочими. Воспитательно-профилактическая работа с молодежью должна заключаться в числе прочего в разоблачении методик радикальных сообществ, выявлении для подростков их деструктивной сущности и целей, что будет способствовать снижению эффективности экстремистского информационного воздействия на подрастающее поколение.

Виртуализация угрозы экстремизма заключается не только в возможности фактически безгранично тиражировать и распространять идеологию экстремизма среди неопределенного круга лиц, а также анонимно и дистанционно вовлекать массы людей в экстремистскую деятельность (Игнатов, 2025, с. 107).

Злоумышленниками для вовлечения молодежи и несовершеннолетних в экстремистскую деятельность используются возможности социальных сетей и мессенджеров³. Несмотря на то что крупнейшей социальной сетью России остается сеть «ВКонтакте», следует отметить, что в молодежной среде указанный ресурс давно приобрел статус неблагонадежного ввиду плотного сотрудничества с государственными структурами. Да, отдельные сообщества продолжают использовать «ВКонтакте» для расширения охвата аудитории, но основную работу проводят на менее (по их мнению) зависимых платформах.

В связи с этим, согласно наблюдениям и результатам мониторинговых мероприятий, самым востребованным информационно-телекоммуникационным ресурсом для распространения контента в молодежной среде в данный момент выступает мессенджер «Телеграм»,

³ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года <http://www.pravo.gov.ru>

позволяющий создавать тематические сообщества (телеграм-каналы), публиковать крупные тексты, размещать изображения и видеозаписи, чего, в принципе, достаточно для базовой пропагандистской работы. К тому же в закрытых сообществах по интересам открывается возможность для более плотной идеологической обработки целевой аудитории (Hashmi et al., 2022, с. 62).

Отдельный политический контент в виде объемных видеозаписей (в частности, журналистские расследования) продолжает размещаться на видеохостинге «Ютуб» (его фактическая блокировка в России обходится использованием VPN-сервисов).

Иные ресурсы – «Инстаграм*», «Тик-Ток», «X» (более известный как «Твиттер»), «Фейсбук*» – либо изначально имели иную направленность и целевую аудиторию (Archetti, 2015, с. 50), либо ориентированы на зарубежных пользователей, вследствие чего используются в основном эмигрантами из России.

Изложенное не означает, что в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», «Инстаграм*» и т. п. не размещается провокационный или экстремистский контент, но в качестве информационной платформы для молодежи данные ресурсы сегодня уступают сети «Телеграм» (Whittaker, 2022, с. 38).

Заключение

Основными механизмами, используемыми правоохранительными органами для противодействия распространению идеологии экстремизма в молодежной среде, являются: выявление интернет-контента экстремистского характера и принятие мер к его удалению (блокировка ресурсов); выявление и нейтрализация лиц, занимающихся распространением экстремистских идей, а также целевым вовлечением молодежи в деструктивную деятельность; проведение непосредственных воспитательно-образовательных занятий в молодежной среде, а также инструктивно-методических занятий с представителями иных государственных и общественных субъектов профилактики.

В качестве одного из примеров противодействия можно привести разоблачение и ликвидацию общественного движения «Молодежное демократическое движение “Весна*”», занимавшего радикальную либерально-оппозиционную позицию, целевым образом ориентированного на молодежную повестку, резко выступившего против проведения СВО, в том числе стоявшего за инициированием массовых протестных выступлений граждан в Санкт-Петербурге в феврале–марте 2022 г. (активисты «Весны*» распространяли призывы к массовым акциям, сами принимали в них участие, осуществляли координацию несогласованных шествий, размещая в интернет-мессенджерах информацию о передвижении колонн протестующих, точка сбора, полицейских кордонах и т. п.).

С декабря 2022 г. по январь 2023 г. материалы в отношении 12 лидеров и активистов региональной ячейки движения «Весна*» были направлены в ГУ Минюста России по г. Санкт-Петербургу для внесения в реестр лиц, аффилированных с иностранными агентами, что в числе прочего ограничило их возможности влияния на процесс выборов («Весна*» регулярно участвовала в избирательных кампаниях различного уровня как через выдвижение и поддержку кандидатов, так и путем выдвижения своих людей в избирательные комиссии и группы наблюдателей).

В июне 2023 г. на основании собранных материалов было возбуждено уголовное дело, в рамках которого лидерам и активистам движения «Весна*» из Санкт-Петербурга, Москвы и ряда иных регионов (свыше 20 человек) предъявлены обвинения в совершении преступлений, предусмотренных чч. 1 и 2 ст. 282¹, ч. 2 ст. 239, ч. 2 ст. 207³, ч. 1.1 ст. 212, ч. 4 ст. 354¹ УК РФ.

* Признаны экстремистскими организациями и запрещены на территории РФ.

Проведенные мероприятия привели к полному прекращению функционирования молодежного движения «Весна*» в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, и хотя находящимися в эмиграции сторонниками движения продолжилась информационно-пропагандистская работа, ни одной массовой публичной акции движением «Весна*» с тех пор организовано не было.

В декабре 2022 г. решением Санкт-Петербургского городского суда (подтвержденным апелляционным определением от 17 мая 2023 г.) межрегиональное общественное движение «Молодежное демократическое движение “Весна*”» признано экстремистской организацией, в июне 2023 г. внесено в реестр объединений, в отношении которых вступило в силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

По линии профилактической работы успешной признана практика непосредственного вовлечения сотрудников подразделений по противодействию экстремизму ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области как практических работников, знакомых с текущими тенденциями экстремизма, к разъяснительным занятиям с населением, в связи с чем взят последовательный курс на ее расширение. Преимущество данной формы профилактики заключается в том, что подростки получают информацию «из первых рук», когда стандартные теоретические выкладки подкрепляются живыми примерами из практики. К тому же погруженные в оперативную обстановку сотрудники правоохранительных органов имеют возможность оперативно корректировать учебные материалы в зависимости от требования момента. По согласованию с профильными комитетами Правительства Санкт-Петербурга и Правительства Ленинградской области в 2025 г. начата пробная реализация практики привлечения сотрудников правоохранительных органов и к участию в собраниях с родительской общественностью, где до родителей и законных представителей доводятся существующие экстремистские факторы, способные представлять угрозу для их детей и воспитанников.

Еще одной перспективной практикой признано участие практических работников оперативных служб в методических занятиях (семинарах, сборах, круглых столах и т. п.) с представителями субъектов государственной и общественной профилактики. Задачи этих мероприятий заключаются в обмене информацией, обсуждении проблематики профилактики молодежного экстремизма с учетом свежего практического опыта, что позволяет охватить проблему с большего количества ракурсов и более комплексно подойти к выработке алгоритмов реагирования, а также способствует лучшей подготовке специалистов государственных и общественных субъектов профилактики к выполнению своих функций.

Несомненно, необходимо продолжать поиск новых возможностей профилактического воздействия и иных форм противодействия распространению в молодежной среде экстремистской идеологии и вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность и деструктивные объединения.

* Признано экстремистской организацией и запрещено на территории РФ.

Список литературы

- Алексеев, Г. В., Аргылов, Н. А., Байчик, А. В., ... [и др.] (2023). *Глобальный индекс экстремизма*. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
- Бавсун, М. В. (2024). Перспективы противодействия преступности несовершеннолетних уголовно-правовыми средствами. В *Проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних и молодежи: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 мая 2024 года* (с. 7–9). Печатный Цех.

- Борисов, С. Б., & Жеребченко, А. В. (2015). *Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности*. Юриспруденция.
- Диваева, И. Р. (2024). О предупреждении вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. *Образование и право*, (8), 428–432. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2024-8-428-432>
- Зубова, О. Г. (2015). Портрет современного экстремиста (на примере анализа обвинительных заключений и приговоров по экстремистским преступлениям). *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (1), 69–75.
- Зырянов, И. В., & Билоконь, В. П. (2024). Профилактика вовлечения несовершеннолетних в деструктивную, в том числе экстремистскую деятельность. *Евразийский юридический журнал*, (10), 126–128.
- Игнатов, А. Н. (2025). Виртуализация угрозы экстремизма и ее отражение в субкультуре несовершеннолетних. *Судебная экспертиза и исследования*, (3), 106–110.
- Лопатина, Т. М. (2024). Киберпреступность несовершеннолетних: проблема цифрового поколения. *Безопасность бизнеса*, (3), 52–56. <https://doi.org/10.18572/2072-3644-2024-3-52-56>
- Майоров, А. В. (2025). Виктимологическое противодействие цифровой виктимизации несовершеннолетних, вовлекаемых в экстремистскую и террористическую деятельность. *Виктимология*, 12(3), 363–374. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2025-12-3-363-374>
- Пушкова, Н. В. (2025). Социально-демографическая характеристика несовершеннолетней жертвы вовлечения в экстремистскую деятельность. *Вестник Краснодарского университета МВД России*, (1), 21–26.
- Фоминых, Е. С. (2024). Нарушения информационной безопасности в контексте цифровой виктимизации детей и подростков. *Виктимология*, 11(1), 69–77. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2024-11-1-69-77>
- Хоменко, А. Н., & Черемнова, Н. А. (2019). Отграничение экстремистских проявлений от правомерного поведения в контексте ст.ст. 20.3, 20.3.1 КоАП РФ и ст.ст. 280, 282 УК РФ. *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*, (3), 44–56. <https://doi.org/10.24411/2312-3184-2019-00028>
- Archetti, C. (2015). Terrorism, communication and new media: Explaining radicalization in the digital age. *Perspectives on Terrorism*, 9(1), 49–59. <http://www.jstor.org/stable/26297326>
- Barracosa, S., & Cherney, A. (2025). An integrated model for youth radicalisation: Examining the impact of life-course and situational factors. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1080/19434472.2025.2554777>
- Hashmi, A. S., Hamid, M., & Hashmi, S. M. A. (2022). Youth, counter violent extremism and (social) media: A case of Pakistan. *NUST Journal of International Peace & Stability*, 5(1), 61–72. <https://doi.org/10.37540/njips.v5i1.122>
- Kasinathan, J., & Parsons, A. (2025). Radicalisation in adolescents: Mental health considerations for violent extremism. *Australasian Psychiatry*, 33(1), 57–63. <https://doi.org/10.1177/10398562241292209>
- Mayer, M. J., Horgan, J., Herrenkohl, T. I., & Osher, D. (2024). Violent extremism in the U.S.: Causes and consequences for youth, families, schools, and communities. *Journal of School Psychology*, 106, Article 101345. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2024.101345>
- Whittaker, J. (2022). Rethinking Online Radicalization. *Perspectives on Terrorism*, 16(4), 27–40. <https://www.jstor.org/stable/27158150>

References

- Alekseev, G. V., Argylov, N. A., Bajchik, A. V., ... [i dr.] (2023). *Global'nyj indeks ekstremizma*. Rossijskaya akademiya narodnogo hozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente RF.
- Bavsun, M. V. (2024). Perspektivy protivodejstviya prestupnosti nesovershennoletnih ugolovno-pravovymi sredstvami. V *Problemy preduprezhdeniya prestupnosti nesovershennoletnih i molodezhi: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 24 maya 2024 goda* (s. 7–9). Pechatnyj Cekh.
- Borisov, S. B., & Zhrebchenko, A. V. (2015). *Vozbuzhdenie nenavisti, vrazhdy, unizhenie chelovecheskogo dostoinstva: problemy ustanovleniya i realizacii ugolovnoj otvetstvennosti*. Yurisprudenciya.
- Divaeva, I. R. (2024). O preduprezhdenii вовлечения nesovershennoletnih v ekstremistskuyu deyatel'nost' s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij. *Obrazovanie i pravo*, (8), 428–432. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2024-8-428-432>
- Zubova, O. G. (2015). Portret sovremennogo ekstremista (na primere analiza obvinitel'nyh zaklyuchenij i prigovorov po ekstremistskim prestupleniyam). *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura*, (1), 69–75.
- Zyryanov, I. V., & Bilokon', V. P. (2024). Profilaktika вовлечения nesovershennoletnih v destruktivnuyu, v tom chisle ekstremistskuyu deyatel'nost'. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal*, (10), 126–128.
- Ignatov, A. N. (2025). Virtualizaciya ugrozy ekstremizma i ee otrazhenie v subkul'ture nesovershennoletnih. *Sudebnaya ekspertiza i issledovaniya*, (3), 106–110.
- Lopatina, T. M. (2024). Kiberprestupnost' nesovershennoletnih: problema cifrovogo pokoleniya. *Bezopasnost' biznesa*, (3), 52–56. <https://doi.org/10.18572/2072-3644-2024-3-52-56>
- Majorov, A. V. (2025). Viktimologicheskoe protivodejstvie cifrovoj viktimizacii nesovershennoletnih, вовлекаемых v ekstremistskuyu i terroristicheskuyu deyatel'nost'. *Viktimologiya*, 12(3), 363–374. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2025-12-3-363-374>
- Pushkova, N. V. (2025). Social'no-demograficheskaya harakteristika nesovershennoletnej zhertvy вовлечения v ekstremistskuyu deyatel'nost'. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*, (1), 21–26.
- Fominyh, E. S. (2024). Narusheniya informacionnoj bezopasnosti v kontekste cifrovoj viktimizacii detej i podrostkov. *Viktimologiya*, 11(1), 69–77. <https://doi.org/10.47475/2411-0590-2024-11-1-69-77>
- Homenko, A. N., & Cheremnova, N. A. (2019). Otgranichenie ekstremistskih proyavlenij ot pravomernogo povedeniya v kontekste st.st. 20.3, 20.3.1 KoAP RF i st.st. 280, 282 UK RF. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, (3), 44–56. <https://doi.org/10.24411/2312-3184-2019-00028>
- Archetti, C. (2015). Terrorism, communication and new media: Explaining radicalization in the digital age. *Perspectives on Terrorism*, 9(1), 49–59. <http://www.jstor.org/stable/26297326>
- Barracosa, S., & Cherney, A. (2025). An integrated model for youth radicalisation: Examining the impact of life-course and situational factors. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1080/19434472.2025.2554777>
- Hashmi, A. S., Hamid, M., & Hashmi, S. M. A. (2022). Youth, counter violent extremism and (social) media: A case of Pakistan. *NUST Journal of International Peace & Stability*, 5(1), 61–72. <https://doi.org/10.37540/njips.v5i1.122>
- Kasinathan, J., & Parsons, A. (2025). Radicalisation in adolescents: Mental health considerations for violent extremism. *Australasian Psychiatry*, 33(1), 57–63. <https://doi.org/10.1177/10398562241292209>

Mayer, M. J., Horgan, J., Herrenkohl, T. I., & Osher, D. (2024). Violent extremism in the U.S.: Causes and consequences for youth, families, schools, and communities. *Journal of School Psychology, 106*, Article 101345. <https://doi.org/10.1016/j.jsp.2024.101345>

Whittaker, J. (2022). Rethinking Online Radicalization. *Perspectives on Terrorism, 16*(4), 27–40. <https://www.jstor.org/stable/27158150>

Информация об авторе

Илья Сергеевич Ильин – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Международного юридического института, доктор юридических наук, доцент.

About the autor

Ilya Sergeevich Ilyin – Professor of Department of Criminal Law Disciplines, International Law Institute, Dr. Sci. (Jurid.), Docent.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 23.12.2025

Одобрена после рецензирования 27.02.2026

Опубликована 28.04.2026

Submitted December 23, 2025

Approved after reviewing February 27, 2026

Accepted April 28, 2026